

УДК 882.09

ЗАПИСЬ ОТ 16 АПРЕЛЯ 1864 Г. «МАША ЛЕЖИТ НА СТОЛЕ. УВИЖУСЬ ЛИ С МАШЕЙ?..» КАК ИСТОК «ПЯТИКНИЖИЯ» ДОСТОЕВСКОГО*

© 2011 А. Серопян

Шуйский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 21 января 2010 года

Аннотация: В статье впервые указывается на то, что запись, ставшая предметом анализа, сделана именно в Великий Четверг, и это дает основания считать ее точкой, с которой Достоевский начал свой круг «пятикнижия». Показывая, как богослужение Великого Четверга содержит толкование и изложение всего, что связано с установлением таинства Евхаристии, в которой все живы, автор отмечает, как в самом конце последнего романа Достоевский укажет ответ на вопрос, заданный самому себе 16 апреля 1864 года.

* Работа выполнена в рамках проекта «Литургическое слово в русской литературе» по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.»

Ключевые слова: богослужение, Евхаристия, церковный календарь, композиция, идеал, Великий Четверг.

Abstract: In article that the record which has become by a subject of the analysis, is made on a Maundy Thursday for the first time is underlined, and it gives the grounds to consider as its point with which Dostoevsky has begun the circle of "Pentateuch". Showing, as Maundy Thursday divine service contains interpretation and a statement of everything that is connected with an establishment of sacrament of the Eucharist in which all are live, the author marks, as at the very end of last novel Dostoevsky will specify the answer to a question, set to itself on April, 16th, 1864.

Keywords: divine service, the Eucharist, a church calendar, a composition, an ideal, a Maundy Thursday.

Связь текстов Достоевского с богослужением (особенно романа «Братья Карамазовы»), роль евангельской цитаты отмечались исследователями творчества писателя не раз. Но только в одной – к сожалению незамеченной работе Е.А. Осокиной о круговой композиции «Братьев Карамазовых»^[1] – высказана мысль о том, что Достоевский «узнал, избрал и воплотил» в своем творчестве органичную для русского сознания форму богослужения. Мы утверждаем, что следует говорить о круговой композиции всего «пятикнижия» и в центре этого круга – запись от 16 апреля 1864 г.

Много писалось и о том, что эпиграф к последнему роману Достоевского связан с темой прошлого-настоящего-будущего России^[2]: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное

зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Евангелие от Иоанна, гл. XII, ст.24.). Смерть – не причина уничтожения, а начало новой жизни. Но в момент осознания предстоящего человеческая природа Христа возмущается: «ныне душа моя возмутилась». Это – еще одно начало, начало борьбы, и об этой борьбе – «Здесь дьявол с Богом борется, и поле битвы – сердца людей» (14, 100¹) – у Достоевского свидетельствует Митя Карамазов – персонаж, будущим страданиям которого поклонился старец-провидец, ведавший, «что минуло, что есть и что будет» [3] – фраза из «Илиады» Гомера, которого весьма почитал Достоевский с юношеских лет.

1 Здесь и далее тексты Ф.М. Достоевского цитируются по 30-томному полному собранию сочинений с указанием тома и номера страницы.

Шагов в романе «Бесы» говорит, что *«есть сила неутолимого желания дойти до конца и в то же время конец отрицающая. Это есть сила непрерывного и неустанного подтверждения своего бытия и отрицания смерти»*.

Понимание пределов и законов, концов и начал в представлении Достоевского обнаруживаются именно в его записи, сделанной 16 апреля 1864 года: *«Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?»* (20, 174) Б.Н. Тарасов справедливо полагает эту запись «ключевой для анализа творческой проблематики писателя» [4]. Закон Я, по мысли Достоевского, является препятствием на пути к идеалу. Об этом препятствии — и фантастический рассказ «Сон смешного человека», начинающийся в самый мрачный вечер, а заканчивающийся исходом из подполья: *«И пойду! И пойду!»* (25, 119). Рассматривая концы и начала человеческой души, Достоевский и делает закатное время сакральным. Это — начало богослужебного дня, как и смерть — начало вечности.

«16 апреля. Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей? Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой, — невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек. <...> Итак, человек есть на земле существо только развивающееся, следовательно, не оконченное, а переходное... человек стремится на земле к идеалу, противоположному его натуре» (20, 174). Пасхалия свидетельствует, что запись сделана именно в Великий Четверг, что дает основания считать это рассуждение точкой, с которой Достоевский начал свой круг «пятикнижия». Богослужение Великого Четверга содержит толкование и изложение всего того, что связано с установлением таинства Евхаристии. «Сугубая вечеря, Пасху бо закона носит, и Пасху новую, Кровь, Тело Владычнее» [5]. «Сугубая вечеря» значит двойная вечеря. Эта трапеза несет двойной смысл — она является исполнением ветхозаветного указания о совершении Пасхи, мистической трапезы, связанной с воспоминанием исхода Израиля из Египта, и являет Пасху новую — вкушение Тела и Крови Христа. В Великую Среду совершалась вечерня с литургией Пржедосвященных даров, потом было повечерие, полунощница, утреня, первый час, о которых мы сейчас говорили, потом третий, шестой и девятый час. От вечерни до девятого часа прошел полный круг церковного дня, а литургии в нем не было. Почему? Потому что литургия в Великий Четверг должна быть на вечерне.

Мотив вечерни в календаре «пятикнижия» звучит с самого начала первого романа. *«В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер...»* (6,

5). Князь Мышкин вечером слышит памятный крик осла, по вечерам к нему приходят дети, на закате солнца умирает Мари, вся первая часть — ожидание вечера у Настасьи Филипповны. Перед тем, как Рогожин тронул в финале романа Мышкина за локоть, чтобы призвать к себе, князь *«спустился под ворота, вышел на тротуар, подивился густой толпе народа, высыпавшего с закатом солнца на улицу»* (8,347). Афинские вечера в романе «Бесы»... В «Подростке» — все происходит вечером: *«И вот тогда, как-то раз в грустные вечерние сумерки, стал я однажды перебирать для чего-то в моем ящике и вдруг, в уголку, увидел синенький батистовый платочек ее; он так и лежал с тех нор, как я его тогда сунул. Я вынул его и осмотрел даже с некоторым любопытством.. Это было под праздник, и загудел колокол ко всеобщей»* (13, 271). В «Братьях Карамазовых»: *«он запомнил один вечер, летний, тихий, отворенное окно, косые лучи заходящего солнца (косые-то лучи и запомнились всего более), в комнате в углу образ, пред ним зажженную лампадку, а пред образом на коленях, рыдающую как в истерике, со взвизгиваниями и вскрикиваниями, мать свою, схватившую его в обе руки, обнявшую его крепко до боли и молящую за него богородицу, протягивающую его из объятий своих обеими руками к образу как бы под покров Богородице»* (14, 82).

Не трудно понять, почему время заката так значимо для Достоевского. Сначала обратим внимание на факт предсмертного причащения Марии Дмитриевны ранним утром 14 апреля (Великий Вторник): *«в 2 часа ночи кончил это письмо. Потом Марье Дмитриевне стало очень худо. Она потребовала священника. Я пошел к Александру Павловичу и послал за священником. Всю ночь сидели, в 4 часа причащали. В 8 часов утра я лег отдохнуть, в 10 меня разбудили, Марье Дм<итриев>не в эту минуту легче...»* Это пишет Достоевский брату Михаилу. На следующий день — ему же: *«Марья Дмитриевна умирает тихо, в полной памяти»*. И в вечер того же дня 15 апреля (Великая Среда) — *«Сейчас, в 7 часов вечера, скончалась Марья Дмитриевна и всем вам приказала долго и счастливо жить»*. В одном из этих писем содержится отчаянное признание: *«Никогда я не переживал времени более мучительного»*. В письмах к брату Михаилу Ф.М. Достоевский пишет: **20 марта 1864.** Марья Дмитриевна очень слаба: вряд ли проживет до пасхи. Алекс<андр> Павлов<ич> прямо сказал мне, что ни за один день не ручается. **26 марта.** Марья Дмитриевна до того слаба, что Алек<сандр> Пав<лович> не отвечает уже ни за один день. Долее 2-х недель она ни за что не проживет. Постараюсь кончить повесть поскорее, но сам посуди — удачное ли время для писанья? **2 апреля.** Мучения мои вся-

ческие теперь так тяжелы, что я и упоминать не хочу о них. Жена умирает, *буквально*. Каждый день бывает момент, что ждем ее смерти. Страдания ее ужасны и отзываются на мне, потому что... Писать же работа не механическая, и, однако ж, я пишу и пишу, по утрам, но дело только начинается. **5 апреля**. Теперь же положение мое до того тяжелое, что *никогда не бывал я в таком*. Жизнь угрюмая, здоровье еще слабое, жена умирает совсем, по ночам, от всего дня, у меня раздражены нервы. **9 апреля**. Марья Дмитриевна почти при последнем дыхании. Это мучительное время потом будут переживать герои всех пяти великих романов» (28.2, 220, 222-225).

Это мучительное время и отпечаталось на всем последующем творчестве. Это были дни богослужений Великого Понедельника, Вторника и Среды – уже не великопостного богослужения, причем среда является днем пограничным, отделяющим один тип богослужения от другого. В этот вечер последний раз стихословится Псалтирь, последний раз служат Литургию Преждеосвященных Даров, последний раз читают молитву Ефрема Сирина; с этого дня не кладут земных поклонов в храме (кроме как перед Св. Плащаницей). Прожив первые три дня Страстной седмицы, христианин стоит уже в преддверии важнейших дней церковного года. Это был день смерти Марии Дмитриевны. И в это мучительное время Достоевский пишет о том, что Христос был **вековечный от века** идеал переходного существа. *Вековечный от века* – это вписано. Эта запись – центр круга, который замкнется самыми последними строками романа «Братья Карамазовы». На всем протяжении этого круга – *«вечность на аршине пространства»* (6, 123), *«у меня свое другое горе, вечное и всегда одно и то же»*, *«вечно хнычет, вечно плачется!»* (8, 326), *«какая-нибудь вечно пьяная кухарка»* (6, 392), *«И множество, множество самых оригинальных русских мальчиков только и делают, что о вековечных вопросах говорят у нас в наше время»* (14, 213)...

В праздничных церковных текстах нередко употребляются *«днесь»* и *«ныне»*, что наставляет говорить, по определению академика Д.А. Лихачева, «не о воспоминании, а о воспроизведении бывшего в день праздника события»¹⁶¹. Таким образом в церковном календаре прошлое вновь воплощается (воспроизводится) в настоящем, как это происходит и в дохристианских замкнутых циклах. В сакральное время праздника прошлое воспроизводится не в обычных вещественных формах настоящего, а иначе. Реальность воспроизводимого отличается от реальности настоящего примерно так же, как изображение святого на древней иконе отличается от восприятия живого человека; или как воскресшая плоть Христа

отличалась от плоти Спасителя до Его земной смерти. Можно сказать, что воплощение прошлого события в православном празднике носит отчасти мистический характер: вещественная форма соединяется с присутствием иномирного; если последнее улетучивается и торжествует вещественность, праздник превращается в застолье, безделье и даже срам. Вместо ожидаемой трапезы у игумена в романе «Братья Карамазовы» возникает скандал, поминки Мармеладова превращаются в попойку.

Но к совместной трапезе идут мальчики в финале романа «Братья Карамазовы»: *«Это ведь старинное, вечное, и тут есть хорошее»* (15, 112).

В эпилоге «Преступления и наказания»: *«Он пролежал в больнице весь конец поста и Святую»* (6, 419). Мармеладов умирает мученической смертью, исповедавшись и причастившись. Степан Трофимович Верховенский причащается, умирая, старец Зосима соборуется и причащается. Болезнь как необходимость – перед тем, чтобы предстать пред Христом. Именно воскрешение Лазаря в «Преступлении и наказании» раскрывает перед нами проблему времени, а значит, и проблему смерти и жизни.

Итак, конец поста, а значит, Лазарева седмица в богослужении. В понедельник поется: «Днесь Христу является об одну страну Иордана ходящу, болезнь Лазарева...». Во вторник: «Вчера и днесь Лазарь болен...». В среду: «Днесь Лазарь умерый погребается и рыдания поют его сродницы...». В четверг: «Двоеденствует днесь Лазарь умерый...». В пятницу: «Заутра бо приходит оживити глаголом умершаго брата» [7].

То в течение всей недели верующий созерцает предстоящую борьбу Христа со смертью – сначала его друга Лазаря, потом – с Его собственной смертью. Нам важно заметить, что, вспоминая эти события, Церковь заменяет прошедшее время настоящим – **днесь**. «Дева днесь...», «Днесь стоит пред Пилатом...»

Дело в том, что само понятие богослужебного воспоминания подразумевает и определенное событие, и, что очень важно, соборную реакцию на него. Раскольников говеет со всей казармой, в финале романа «Подросток» говеет все семейство, в «Братьях Карамазовых» все мальчики причащаются на поминальной литургии. Совершение богослужения возможно только если люди все вместе собираются и побеждают свое естественное разделение, уничтожая свое *Я* и тем обретая рай во Христе. Чудо всякого празднования в том, что оно трансцендирует, преодолевает – хотя бы на время – как идеи, так и индивидуализм. Знаменательны в этом плане в «Подростке» воспоминания о голубке: ведь голубок символизирует Богоявление.

В каком смысле *и ныне* вспоминаются события прошлого? Вся жизнь Церкви — непрерывное поминовение и воспоминание. Родных, святых, а главное — Христа: «**сие творите в Мое воспоминание, доколе приду...**» Но память — способность двузначная. Это больше, чем знание. Живая реальность воспоминаемого заставляет остро чувствовать, что его нет, что никогда в этой жизни не коснутся его руки, и это — самая трагическая способность человека, потому что ничто более так не показывает ущербленную природу нашей жизни, невозможность человека на самом деле что-то хранить, чем-нибудь действительно обладать **на этом свете**. Память являет нам, что действительно «смерть и время царят на земле».

В сердцевине христианства — память об одном Человеке, об одной ночи, в глубине которой было сказано: «Сие творите в Мое воспоминание». И вот получается, что в Церкви Он является не как туман, а — реально. Так, что вслед за его учениками мы потом спрашиваем: «не горело ли в нас сердце?» Воспоминания Аркадия о причастии, ощущения Раскольникова, спускающегося по лестнице от Мармеладова, предсмертное обновление Степана Трофимовича Верховенского.

Природная память есть «присутствие отсутствия» — чем более дорогой человек присутствует в нашей памяти, тем острее боль его отсутствия. Но во Христе, показывает Достоевский, память получила власть над временем. Новая память стоит в центре литургического *днесь*. Церковь — дар и сила воспоминания, которое претворяет факты прошлого в вечно знаменательные события — не только в его идею, но в его радость и печаль, в его живую конкретную реальность.

Одно дело — объяснять, что воскрешение Лазаря было «уверением», т. е. удостоверением общего воскресения, другое — творить день за днем, на протяжении целой недели, этого постепенного приближения встречи жизни и смерти, в своей болезни становиться частью его, видеть собственными глазами, всем существом чувствовать то, что передают слова апостола Иоанна: «Иисус восскорбел духом и прослезился». Для Раскольникова все это случилось *днесь* — это было ясно еще на лестнице в доме Мармеладова: «*Он сходил тихо, не торопясь, весь в лихорадке и, не сознавая, того, полный одного, нового, необъятного ощущения вдруг прихлынувшей полной и могучей жизни. Это ощущение могло походить на ощущение приговоренного к смертной казни, которому вдруг и неожиданно объявляют прощение*» (6, 146). Он не случайно на четвертый день по смерти Мармеладова пришел к Соне. Одно дело слышать, другое — соучаствовать и видеть, как Христос побеждает смерть. Говение — т. е. каждодневное присутствие на службе

вернуло Раскольникову эту способность видеть и соучаствовать.

Воскрешение Лазаря — уже вне Великого Поста. В пятницу накануне: «Душеполезную совершив четиридесятиницу...» Достоевскому очень важно было показать значение и возрастание Великого поста как подлинного приготовления в Пасхе, к великому *днесь* Пасхи. До Крестопоклонной — третье воскресение поста — Церковь призывает сосредоточиться на своей душе, призывая к борьбе со страстями и плотью, со злом в себе. После Крестопоклонного воскресения средоточием постного подвига становится тайна страданий Христовых, и пост становится «восхождением в Иерусалим» — Вход Господень в Иерусалим на следующий после Лазаревой субботы день. И время подходит как бы к концу. Оно измеряется уже не нашими заботами и делами, а тем, что совершается на пути в Вифанию и далее — в Иерусалим.

Очень много говорилось о том, что хронология романа привязана к конкретному 1865 году^[8]. Возможно и не случайно привязывался: в эпилоге мы узнаем, что прошло полтора месяца после преступления, следовательно — начало 1867 года. Согласно Пасхалии Лазарева суббота в тот год странно сошлась с днем памяти апостола Иродиона. Напомним, что в черновых набросках имя героя было — Василий.

Пред-идушее и пред-стоящее находятся на окружности круга, и весь суточный круг богослужения — воспоминание о земной жизни Христа. Но ни одно таинство не может считаться завершенным, если оно не запечатлено участием в Евхаристии — причастием Святых Христовых Тайн. Кто покался, спешит к Чаше, и кто хочет причаститься, тот спешит покаяться. Умирая, исповедуются и причащаются Мармеладов, Верховенский-старший, старец Зосима. Отпевание происходит после обедни в «Преступлении и наказании», «Братьях Карамазовых» — таким образом, все таинства связаны с Евхаристией точно так же, как все органы в человеческом теле связаны с сердцем: сердце остановилось, и все рассыпается. И Евхаристия, безусловно, — это таинство таинств, созидающее Церковь, поскольку Церковь — это Тело Христово, литургия несет в себе полноту жизни Церкви, в которой все живы, и поэтому в самом конце последнего романа Достоевский напишет в ответ на вопрос, заданный самому себе 16 апреля 1864 года: «*Непреренно восстанем, непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу всё, что было*» (15, 109).

ЛИТЕРАТУРА

1. См. Осокина Е.А.. К вопросу о форме «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского:

структура и содержание //сайт автора lenazar@narod.ru.

2. См.: Ветловская В.Е.. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» / В.Е. Ветловская. – СПб. : Пушкинский Дом,, 2007. – С.411.

3. Гомер. Илиада / Гомер; Пер. Н.И. Гнедича (серия «Литературные памятники»). Подготовка издания, текстологический комментарий к переводу, примечания, словарь устаревших и малоупотребляемых слов и выражений А.И. Зайцева). Л.: Наука, 1990.– С. 430.

4. Тарасов Б.Н.. В мире человека / Б.Н. Тарасов. – М. : Современник, 1986. – С. 44.

5. Синаксарь Великого Четвертка // http://velikiypost.paskha.ru/Nedeli/Strastnaya_sedmica/Chetverg/Sinaksar74/)

6. Лихачев Д.С.. Поэтика древнерусской литературы / Д.С.Лихачев. – М. : Наука, 1979. – С.151.

7. Службы на каждый день первья седмицы Великого поста. Кн. 5. Псково-Печерский монастырь, 1994.

8. См. Тихомиров Б.Н.. «Лазарь! Гряди вон!» Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении. Книга-комментарий / Б.Н. Тихомиров. – СПб. : Серебряный век, 2005.

Seropyan A.S.

*ФГБОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет, ст. преподаватель кафедры культурологии и литературы.
serpantin58(a)mail.ru*

Seropyan A.S.

Shuisky the state pedagogical university, the senior teacher of chair of cultural science and the literature.